

УДК 94
DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.01

М. Ю. Дронов

Штрихи к портрету участника Венгерского похода 1849 г. А. Л. Верниковского

Дронов Михаил Юрьевич
Кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
199991 Ленинский проспект, 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: mikhaildronov@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-3284-4924

Цитирование

Дронов М. Ю. Штрихи к портрету участника Венгерского похода 1849 г. А. Л. Верниковского // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 394–402. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.01

Текст поступил в редакцию 01.09.2022.

Аннотация

Исследователям истории Венгерского восстания (Венгерской революции) 1848–1849 гг. хорошо знакомы мемуары Александра Львовича Верниковского «Венгерский поход 1849 года. Воспоминания армейского офицера» (1885). Публикуемое письмо Верниковского, направленное им в 1880 г. в Главный штаб, проливает свет на биографию этого офицера.

Ключевые слова

Венгерский поход 1849 г., А. Л. Верниковский.

В 2020 г. нами была выпущена книга «Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров – участников Венгерского похода 1849 года»¹. В ней были собраны фрагменты из текстов десяти военных, оставивших свидетельства о восточнославянском населении Галиции и Угорской Руси. При этом, если о большинстве авторов удалось найти дополнительные биографические

¹ Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров – участников Венгерского похода 1849 года / сост., вступ. ст. и комм. к. и. н. М. Ю. Дронова. М., 2020.

сведения, некоторые персоналии остались даже с неразгаданными инициалами. В частности, это относится к А. Л. Верниковскому – автору мемуаров «Венгерский поход 1849 года. Воспоминания армейского офицера», впервые опубликованных в 1885 г. на страницах журнала «Русский архив»². При подготовке книги в печать мы дали этому автору следующую характеристику: «русский офицер, в 1849 г. служил в Галицком егерском полку (название дано по г. Галичу Костромской губернии). К сожалению, не удалось выяснить никаких биографических подробностей. Как следует из воспоминаний Верниковского, в этническом отношении он отчетливо относил себя к русским. При этом любопытно, что Верниковский также владел польским языком, что может говорить в пользу его возможного белорусского происхождения. В настоящее время известны белорусские, польские и еврейские носители данной фамилии»³.

Как оказалось, мы не ошиблись в направлении наших предположений. Хочется выразить искреннюю благодарность нашему коллеге, известному белорусисту И. И. Баринову, который обратил наше внимание на дело А. Л. Верниковского, хранящееся в Российском государственном военно-историческом архиве⁴. Оказывается, Александр Львович Верниковский – как мы и предполагали, из православных дворян Минской губернии – после окончания военной службы стал жандармом и увольнялся уже в Москве. Материалы дела являются результатом борьбы (в результате почти безуспешной) за увеличение пенсии или хотя бы выдачу единовременного пособия. Так, здесь мы находим сразу несколько похожих писем Верниковского, в которых он кроме прочего проливает свет на свою биографию с особым вниманием к событиям 1849 г. Ниже мы публикуем первое из этих писем, написанное офицером 20 ноября 1880 г. (здесь и далее – по старому стилю). К слову, знакомство с данным делом в РГВИА проливает свет на возможную цель публикации воспоминаний Верниковского в «Русском архиве». Вероятно, не добившись своих целей, офицер решил ознакомить со своей судьбой, и в частности собственными действиями во время Венгерского похода, широкую читательскую аудиторию. Хотя архивное дело оканчивается 1884 годом, можно заключить, что в 1885 г., когда вышли мемуары, их автор еще был жив.

² *Верниковский А. Л.* Венгерский поход 1849 года. Воспоминания армейского офицера // Русский архив. 1885. № 12.

³ Русины Австрийской империи... С. 120.

⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 8012.

Благодаря послужному списку, находящемуся в деле⁵, главные вехи жизни А. Л. Верниковского представляются нам теперь следующим образом. Будущий офицер-мемуарист родился 1 января 1817 г. Воспитывался в Минской губернской гимназии. Службу начал рядовым в 1837 г. в Галицком егерском полку. В 1840 г. стал унтер-офицером, в 1844 – прапорщиком. Тогда же перешел в Симбирский егерский полк, однако уже летом 1845 г. был «уволен со службы, для определения к светским делам». Через три года был вновь принят на службу прапорщиком в старый Галицкий егерский полк. В 1849 г. дослужился до подпоручика, в 1850 г. – до полкового адъютанта, в 1852 г. – до поручика, в 1854 г. – до штабс-капитана. В 1855 г. по собственному желанию был прикомандирован к 3-му округу Корпуса жандармов, на краткое время став адъютантом 3-го отделения этого округа в Царстве Польском. В том же году офицер был «выключен из полка в резервные войска 2-го пехотного корпуса». В 1861 г. Верниковский перебрался из Польши в Москву – в штаб московской полиции «с зачислением по армейской кавалерии и с переименованием в штаб-ротмистры высочайшим приказом». Начав службу на новом месте помощником квартального надзирателя, вскоре он был назначен квартальным надзирателем (1862), исправляющим должность частного пристава (1868), после чего был утвержден в должности частного пристава (1869). Кроме того, в 1868 г. за отличную службу он был произведен в ротмистры. Правда, в 1870 г. Верниковского временно отстранили от службы на время суда над ним «за неправильное задержание и высылку на родину по этапу крестьянина Ивана Брашка». Впрочем, в начале 1871 г. следствие и суд были прекращены, а Верниковский вновь был назначен частным приставом и вскоре произведен в майоры. В 1880 г. он был уволен «по домашним обстоятельствам подполковником с мундиром и с пенсионом».

За годы службы А. Л. Верниковский был удостоен орденов Св. Анны III и IV степеней, Св. Станислава III степени, серебряной медали за усмирение Венгрии и Трансильвании в 1849 г. и бронзовой в память войны 1853–1856 гг. Интересно, что многие годы офицер был в отпусках лишь пять раз, отлучаясь на срок от 3 до 15 дней (в общей сложности 35 дней).

Имеются сведения и о личной жизни. А. Л. Верниковский был женат дважды. Вторая жена, Марциана Викентьевна, урожденная Свенцицкая, была полькой римско-католического вероисповедания – «дочерью варшавского гражданина». Поэтому, несмотря на русский

патриотизм с антипольскими нотками, характерный для текстов Верниковского, в действительности офицер был теснее связан с поляками, чем можно было бы подумать. Имел детей: Марию (1856 г. р.), Константина (1857 г. р.), Ольгу (1859 г. р.) и Владимира (1861 г. р.), крещенных в православии. Некоторые подробности о них представлены в публикуемом письме.

Текст документа мы приводим в соответствии с современными русскими правилами орфографии и пунктуации. При этом сохранены некоторые авторские особенности написания имен и географических названий. Некоторые из них снабжены подстрочными комментариями.

В Главный штаб отставного подполковника Александра Львова сына Верниковского прошение

Предложение Главного штаба от 24 числа сентября сего года за № 19380-м, на имя московского обер-полицеймейстера о назначении мне пенсии в размере полного оклада по должности частного пристава, по 214 рублей 50 копеек в год, мне объявлено. Пенсия эта не соответствует моему военному чину, и кроме того, обер-полицеймейстером было сделано представление в Главный штаб 8 марта сего года за № 5075-м о производстве меня при увольнении от службы в чин подполковника, осталось не уваженным. Прослужив в военных чинах с лишком сорок лет, я остался лишенным и военного пенсионера, и производства в чин. Невзгода эта постигла меня, как я полагаю, вследствие того, что я, находясь на службе, хотя и был в 1849 году в походе против Венгрии, но не участвовал в действительном сражении. Обстоятельство это заставляет меня разъяснить ход моей службы.

В военной службе я прослужил с 30 июля 1837 года по 1 октября 1861 года, то есть по день выбытия моего из последнего места служения в штат московской полиции. Всей военной службы 23 года и 4 месяца, считая в том числе и три месяца Венгерской кампании. Остальную службу до выхода в отставку продолжал я в полиции.

В Венгерскую войну 1849 года был я с полком в походе, но в делах не участвовал по следующим причинам. Когда в войсках, находившихся в походе, сильно развилась холера, то в Мишкольце Главкомандующий остановил движение войск, чтобы дать армии отдых и чтобы холерных больных отправить из Мишкольца в Кашау⁶. Для этой надобности по приказанию Главкомандующего были собраны

⁵ Там же. Л. 67–75.

⁶ Кашау – г. Кошице, ныне в Словацкой Республике.

подводы, вызваны из полков несколько офицеров для сопровождения транспорта. В транспорт поступило 1500 человек больных, медицинский персонал, назначенный к больным, состоял из одного врача и трех фельдшеров, санитары нижние чины из полков. Во время следования транспорта наши санитары многие переболели, и на останках некому было оказывать пособие больным, офицерам приходилось исполнять должность санитаров, медиков и хоронить умерших, а сих последних было много, по 40 и 50 человек приходилось зарывать в могилу, всю дорогу мы усеяли могилами. Офицеры находились в самом близком соприкосновении с холерными, и от забот некогда было думать о своей безопасности, а поселилось апатичное равнодушие к смерти. Наконец мы прибыли в Кашау и привезли остатки больных и тех умерших, которых не успели дорогою похоронить. В этом городе мы застали поражающую картину, временный госпиталь был приготовлен на 2000 человек, а больных оказалось с лишком 8000 человек. Постелей для больных не было, под госпитальные помещения были заняты в городе обывательские дома, куда мы уложили больных или на голые полы, или на соломенную берлогу, бывшую уже под больными. Хаос во всем был ужасный, поражающая картина; страшно было все это видеть, а виденное трудно позабыть. Смерть делала свое дело, холера, как говорят, вырвала из рядов русской армии 17000 человек.

После сдачи больных мы собирались отправиться обратно в армию, но в это время Главнокомандующий с курьером дал знать губернатору г. Кашау, что венгерский генерал Гергей⁷ идет с своим отрядом на Кашау и прервал сообщение с армиею, почему приказано было офицеров в армию не посылать. Губернатору, коим был командир Камчатского егерского полка, приказано было отступить в г. Епериес⁸, забрав с собою все оружие, находившееся в г. Кашау, убрать по мере возможности магазины, больных же с медиками и офицерами, назначенными для присмотра за больными и порядком, предать великодушию венгерских войск и на попечение жителей города, с предварением, что если последует какое-либо насилие русским, то город будет подвергнут страшной военной каре; о чем и была издана прокламация к жителям. Командир Камчатского полка, издав прокламацию к жителям, прибывавшим офицерам

⁷ *Генерал Гергей* – Артур Гёргей (1818–1916), венгерский военачальник и революционер.

⁸ *Епериес* – г. Прешов, ныне в Словацкой Республике.

из армии с больными приказал остаться при Камчатском госпитале, сам выступил с войсками в Епериес.

Томление наше по выступлению войск и неизвестность, что нас постигнет, если венгерцы займут город, продолжалось семь дней. Наконец Гергей в 7 верстах прошел мимо Кашау, минуя город. Наши войска возвратились из Епериеса, и мы вздохнули свободно. Недолго после этого события Гергей положил оружие, наступил конец войны, и войска двинулись обратно в Россию, а я, по окончании моих служебных занятий в Венгрии, в 1850 году возвратился в полк, квартировавший в то время в Царстве Польском. Итак, в венгерскую войну, по не зависевшим от меня причинам, я не участвовал в сражениях, выдержал бой с холерою, а этот бой был страшнее всех сражений. В госпитале я заведовал отделением оною, и кроме этого заведовал еще и вещевою частью. Вещи для наших больных были приняты от австрийцев, и им же мною сданы полностью и удовлетворительно. За отличную службу в Венгрии, засвидетельствованную Главнокомандующим, я награжден орденом Св. Анны 4 степени.

В кампанию восточной войны в 1854 году я находился с полком в отряде, бывшем на границе Австрии в Царстве Польском. Австрийцы делали нам тревогу, мы передвигались из места на место, будучи в готовности отразить их, если бы последовало нападение. В 1855 году я был по распоряжению Главного командующего прикомандирован в III округ Корпуса жандармов, в который впоследствии и переведен.

В Польше все время шло брожение умов и глухая подготовка к бунту. После тихая агитация превратилась в явную, пошли крестные ходы, траур, пение революционных гимнов. По костелам польские святые были украшены революционными эмблемами. Священники явно и гласно в костелах из амвонов возбуждали народ к уничтожению всего русского. На улицах поляки при встречах с русскими плевали на них, ругали, в городах из окон швыряли камнями в проходивших русских или обдавали помоями и разными нечистотами. Начались ночные демонстрации, приготовленные жожаками в кабаках с выдачею денег за участие в уличных демонстрациях. Нападали на дома, в которых проживали личности, не сочувствовавшие польскому делу, били окна и забрасывали камнями. В числе сих последних попал и я как русский жандармский офицер. В феврале месяце 1861 года в г. Радоме, где я находился на службе, толпа поляков ночью произвела нападение и на мою квартиру, перебили все окна, уничтожили все и переломали в квартирах, перепугали все семейство, и едва уцелело от несчастья, а старшего сына, который был тогда ребенком,

чуть не убили, едва успел я выхватить его из кровати испуганного, как туда попал камень в несколько фунтов. Об этом вандальском нападении был составлен акт, который по распоряжению начальства был передан на рассмотрение в польский суд, то есть на решение тех же панов, которые участвовали в этом, по их мнению, патриотическом разбое. О происшествии этом известно штабу Корпуса жандармов. Самое дело это осталось в суде без последствий, виновных не оказалось. Польская полиция, которой все личности были известны, участвовала в демонстрациях, но, боясь вожаков, всегда не знала виновных в беспорядках. Все полякам проходило безнаказанно. Для усмирения их выводились в город русские батальоны с оружием в руках, толпы народа ругали солдат, плевали на них, бросали грязью, солдаты не смели ничего делать, и их оплеванных уводили в казармы. В это же время приповедывалось русским все оскорбления, наносимые поляками, переносить терпеливо. Зная к себе нерасположение поляков, то эта польская неурядица заставила меня, чтобы обеспечить жизнь моего семейства, выдержавши уже ночное нападение на мою квартиру, уехать в Россию и поступить на службу в штат московской полиции. Переход этот состоялся до объявления Польши на военном положении.

Состоя на службе в полиции во время последней Турецкой войны, я оказывал услуги военному ведомству: при передвижении войск, при мобилизации армии, при перевозке больных и раненых и при следовании пленных турок.

Семейство мое – жена да четверо детей. Сыновья, воспитанные на мой счет и кончившие курс в Александровском юнкерском училище и выпущенные офицерами – старший, спасенный мною в малолетстве от польского погрома, служит в 3 стрелковой бригаде, был в последней войне в Турции и находился в деле против турок под Плевною, перешел Балканы и был под Шейновым, получил три награды. Младший сын служит в артиллерии, две дочери, из них старшая болезненная, нуждающаяся в постоянном лечении. Средства к жизни мои плохие, состояния я не нажил, помощи от сыновей ждать трудно, они сами должны жить только казенным содержанием. По последней моей службе пенсия, назначенная мне, слишком мала, московская полиция, не будучи переформирована на образец петербургской, в которой оклады пенсии значительные, пользуется до сих пор древними окладами пенсии. Я льстил себя надеждою получить с производством в чин подполковника полный пенсион по военному чину, но и тут последовала неудача.

Всю службу прошел путем тяжелых испытаний, а выйдя из службы – жить нечем, в перспективе тяжелая нужда.

Представляя все вышеизложенное на благоусмотрение Главного штаба и прилагая у сего в доказательство, что я находился в кашауском госпитале, предписание майора Гулевича за № 222, с приложенною к оному инструкциею, свидетельство смотрителя госпиталя за № 369 и копию приказа за № 29, имею честь просить ходатайства оного Штаба о назначении мне полного пенсионера по военному чину, и чтобы назначение как пенсионера, так равно и эмеритуры было мне разрешено со дня подачи в отставку, так как с этого времени я не нес уже полицейской службы и не пользовался содержанием.

Отставной подполковник Верниковский
20 ноября 1880 года.

Жительство в Москве Басманной части 3 квартала Денисовский переулок дом Аносовой.

РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 8012. Л. 32–37 об.

Источники и литература

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Верниковский А. Л. Венгерский поход 1849 года. Воспоминания армейского офицера // Русский архив. 1885. № 12. С. 510–538.

Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров – участников Венгерского похода 1849 года / сост., вступ. ст. и комм. к. и. н. М. Ю. Дронова. М.: Граница, 2020. 160 с. DOI: 10.31168/9933-0289-8.

References

Rusiny Avstrijskoj imperii v dnevnikh i vospominaniakh russkikh ofitserov – uchastnikov Vengerskogo pokhoda 1849 goda, comp. by M. Ju. Dronov. Moscow: Granica, 2020, 160 p. DOI: 10.31168/9933-0289-8.

DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.01

М. Ю. Дронов

**Touches to the portrait of the participant
of the Hungarian campaign of 1849 A. L. Vernikovsky**

Mikhail Yu. Dronov
Candidate of History, research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
199991 Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: mikhaildronov@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-3284-4924

Citation

Dronov M. Yu. Touches to the portrait of the participant of the Hungarian campaign of 1849 A. L. Vernikovsky // *Slavic Almanac*. 2022. No 3–4. P. 394–402 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.01

Received: 01.09.2022.

Abstract

The memoirs of Alexander Lvovich Vernikovsky “The Hungarian campaign of 1849. Memoirs of an Army Officer” (1885) are well known among the researchers of the history of the Hungarian uprising (Hungarian revolution) in 1848–1849. The published letter of Vernikovsky, sent in 1880 to the General Staff, sheds light on the biography of this officer.

Keywords

Hungarian campaign of 1849, A. L. Vernikovsky.

УДК 94(47).084.3

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.02

А. В. Ганин

**«Менял ориентацию в зависимости
от политической обстановки».
Деникинская разведка о генштабистах,
служивших в украинских войсках.
1919 г.**

Ганин Андрей Владиславович
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: andrey_ganin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8602-1990

Цитирование

Ганин А. В. «Менял ориентацию в зависимости от политической обстановки». Деникинская разведка о генштабистах, служивших в украинских войсках. 1919 г. // *Славянский альманах*. 2022. № 3–4. С. 403–429. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.02

Статья поступила в редакцию 15.05.2022.

Аннотация

Материал представляет первую публикацию документов белой разведки с характеристиками генштабистов, служивших в украинских войсках (гетманских, петлюровских и советских) в 1918–1919 гг. Особый интерес вызывают оценки политических взглядов офицеров. Публикуемые документы выявлены в фондах Российского государственного военного архива.

Ключевые слова

Украина, РККА, Вооруженные силы на Юге России, Гражданская война, Украинская народная республика, офицерский корпус, разведка.

В фонде «Военного управления Особого совещания» в Российском государственном военном архиве (далее – РГВА) среди документов разведки Вооруженных сил на Юге России (ВСЮР) удалось обнаружить три списка Генерального штаба украинских формирований эпохи Гражданской войны 1917–1922 гг. – гетманских, петлюровских